

ТЕКСТЫ ДЛЯ ГРУППОВОГО ТРЕНИНГА ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (МИНИ-ХРЕСТОМАТИЯ)

Предлагаемые нами монологи и прозаические отрывки предназначены для речевого тренинга на старших курсах. Выбранный педагогом текст из числа предложенных нами в настоящей хрестоматии вся группа студентов должна твердо знать наизусть. В момент первого знакомства с текстом преподавателю стоит заострить внимание на том, как развивается мысль внутри длинного текста (порою состоящего из одного предложения).

Все предлагаемые тексты насыщены сложными звуковыми сочетаниями, что требует отдельной индивидуальной проработки. Протяженность текста тренирует как длинный управляемый выдох, так и грамотную координацию доборов воздуха. Обилие редкой, архаической, экзотической лексики ставит перед студентами серьезную исследовательскую задачу. Но в процессе тренинга нужно обращать внимание не только на чистоту и звучность произношения, отсутствие орфоэпических отклонений, грамотное дыхание, озвученность окончаний, но и – прежде всего! – на отсутствие точек. То есть группа должна стремиться к **непрерывности высказывания, постоянному движению и изменению мысли в тексте**. Это не значит, что не могут возникать паузы. Но в паузах внутренняя жизнь лишь интенсифицируется, ритм возрастает, происходит накопление энергии.

Педагогу нужно настойчиво добиваться от студентов того, чтобы они совмещали конкретность видений (то есть конкретность появляющихся в тексте объектов) и длинную перспективу высказывания. Всё частное в подобного рода тренинге должно «нанализываться» на общую линию.

Вариантов тренировки на подобных текстах масса, перечислим лишь несколько:

1. Текст пробует вся группа хором

2. Текст пробует вся группа, но по очереди (перехватывая инициативу)
3. Текст пробует один человек
4. Текст пробуют два студента, перехватывая друг у друга инициативу (или споря, или подтверждая, или уточняя мысль друг друга)
5. Текст пробуется в любой из предложенных схем, но добавляется еще и переброс теннисного мяча / гимнастической палки в момент передачи эстафеты
6. Текст пробуется в разных скоростных режимах
7. Текст пробуется в разной жанровой природе

Как неисчерпаемы запасы подобных непростых текстов в мировой литературе, так неисчерпаемы и вариации для тренинга. Желаем преподавателям сценической речи и студентам азартно пробовать, сочинять, изобретать, соревноваться и становиться лучше!

1. Жан-Батист Мольер. «Ревность Барбулье»

Так знай же мой друг, что дай ты мне кошелек, наполненный червонцами, и находишь этот кошелек в богатом ящичке, этот ящичек в драгоценном футляре, этот футляр в чудном сундучке, этот сундучок в замечательном шкафчике, этот шкафчик в великолепной комнате, эта комната в приятном помещении, это помещение в роскошном замке, этот замок в несравненной крепости, эта крепость в знаменитом городе, этот городок на плодоносном острове, этот остров в богатой провинции, эта провинция в процветающей монархии, эта монархия во всем свете, то и тогда весь этот свет, где находилась бы эта процветающая монархия, эта богатая провинция, этот плодоносный остров, этот знаменитый город, эта несравненная крепость, этот роскошный замок, это приятное помещение, эта великолепная комната, этот замечательный шкафчик, этот чудный сундучок, этот драгоценный

футляр, этот богатый ящичек, в котором был заперт кошелек, наполненный червонцами, интересовали бы меня также мало, как твои деньги и ты сам.

2. Пьер де Бомарше. «Севильский цирюльник»

Клевета, сударь! Вы сами не понимаете, чем собираетесь пренебречь. Я видел честнейших людей, которых клевета почти уничтожила. Поверьте, что нет такой пошлой сплетни, нет такой пакости, нет такой нелепой выдумки, на которую в большом городе не набросились бы бездельники, если только за это приняться с умом, а ведь у нас здесь по этой части такие есть ловкачи!.. Сперва чуть слышный шум, едва касающийся земли, будто ласточка перед грозой, *pianissimo*, шелестящий, быстролетный, сеющий ядовитые семена. Чей-нибудь рот подхватит семя и, *piano, piano*, ловким образом сунет вам в ухо. Зло сделано – оно прорастает, ползет вверх, движется -- и, *rinforzando*, пошла гулять по свету чертовщина! И вот уже, неведомо отчего, клевета выпрямляется, свистит, раздувается, растет у вас на глазах. Она бросается вперед, ширит полет свой, клубится, окружает со всех сторон, срывает с места, увлекает за собой, сверкает, гремит и, наконец, хвала небесам, превращается во всеобщий крик, в *crescendo* всего общества, в дружный хор ненависти и хулы. Сам черт перед этим не устоит!

3. Патрик Зюскинд. «Парфюмер»

То, что белый напиток, который мадам Гайар ежеутренне раздавала своим подопечным, всегда назывался молоком, хотя он каждое утро совершенно по другому воспринимался Гренуем на запах и на вкус, — ведь оно было холодное или горячее, происходило от той или иной коровы, с него снимали больше или меньше сливок... то, что дым, ежеминутно, даже ежесекундно переливавшийся сотнями отдельных ароматов и образующий композицию запахов, смешивающихся в новое единство, и дым костра имели лишь одно, именно это, название: «дым»... то, что земля, ландшафт, воздух, которые на каждом шагу, с каждым вздохом наполнялись иным запахом и тем самым одушевлялись иной идентичностью, тем не менее должны были обозначаться

всего тремя, именно этими, неуклюжими словами — все эти гротесковые расхождения между богатством обонятельно воспринимаемого мира и бедностью языка вообще заставляли маленького Гренуя усомниться в самом языке; и он снисходил до его использования только если этого непременно требовало общение с другими людьми.

4. Н. В. Гоголь. «Шинель»

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и прихотью, - когда все уже отдохнули после департаментского скрыпления перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже, чем нужно, неугомонный человек, - когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несётся в театр; кто на улицу, определяя его на рассматриванье кое-каких шляпёнок; кто на вечер - истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату в четвертый или в пятый этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих жертвований, отказов от обедов, гуляний, - словом, даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлёбывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из тонких чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришлось сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента, - словом, даже тогда, когда все стремится развлечься, - Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению.

5. Джеймс Джойс. «Улисс»

Что в воде восхищало Блума, водолюба, водочерпия, водоноса, когда он возвращался к плите? Ее универсальность; ее демократическое равенство и верность своей природе в стремлении к собственному уровню; обширность ее океанов на карте в проекции Меркатора; ее непромеренная глубина в Зундамской впадине Тихого океана, превышающая 8.000 морских саженей; неутомимая подвижность ее волн и поверхностных частиц, навещающих поочередно все уголки ее берегов; независимость ее частей; изменчивость состояний моря; ее гидростатическая неподвижность во время штиля; ее гидрокинетическое взбухание в приливы и в половодье; ее затихание после разрушительных бурь; ее стерильность в полярных льдах Арктики и Антарктики; ее значение для климата и торговли; ее преобладание над сушей на земном шаре в отношении 3 к 1; ее неоспоримое господство на множестве квадратных лиг во всей области ниже субэкваториального тропика Козерога; мультисекулярная стабильность ее изначального бассейна; ее палево-бурое ложе; ее способность растворять и содержать в растворе все растворимые вещества, включая миллионы тонн самых драгоценных металлов; неумолимое размывание ею полуостровов и оседающих мысов; ее аллювиальные отложения; ее вес, объем, плотность; неколебимость ее в лагунах и высокогорных каровых озерах; градации ее цветов в тропическом, умеренном и холодном поясах; сети ее транспортных разветвлений в материковых замыкаемых озерами потоках, сливающихся, текущих в океан реках с их притоками и трансокеанских течениях, в Гольфстриме к северу и югу от экватора; ее буйная сила в цунами, тайфунах, артезианских колодцах, извержениях, дождях, водоворотах, паводках, разливах, донных волнах, водоразделах, водопусках, гейзерах, водопадах, омутах, мальстремах, наводнениях, потопах, ливнях; ее огромная землеобъемлющая агоризонтальная кривизна; потаенность ее родников и скрытая влажность, обнаруживаемая водоискательными или гигрометрическими приборами и имеющая своими примерами колодец поблизости от дырки в стене у

Эштаунских ворот, насыщение воздуха, дистилляцию росы; простота ее состава, две части водорода на одну часть кислорода; ее целебные свойства; ее подъемная сила в водах Мертвого моря; ее упорная всепроникающая способность в ручейках, оврагах, неисправных плотинах, щелях корабельных корпусов; ее пригодность очищать, утолять жажду, гасить огонь, питать растительность; ее совершенство в качестве парадигмы и первообраза; ее превращения в пар, туман, тучи, дождь, иней, снег, град; ее сила в мощных гидрантах; разнообразие ее форм в озерах, бухтах, заливах, проливах, излучинах, рукавах, губах, лагунах, атоллах, архипелагах, фиордах, эстуариях и распивочных; ее твердость в ледниках, айсбергах, дрейфующих льдах; ее послушная готовность приводить в действие водяные мельницы, турбины, генераторы, электростанции, машины мастерских по отбеливанию, дублению и трепанию; ее полезность в каналах и реках, если те судоходны, в пловучих и ремонтных доках; ее потенции, кроющиеся в покорении приливов и отливов, а также потоков с большими перепадами высоты; ее подводная фауна и флора (анакустические и фотофобные), численно, если не буквально, сравнимые со всем множеством обитателей земного шара; ее вездесущность, коль скоро она составляет 90% человеческого организма; тлетворность ее испарений в гнилых топях, болотах, воде от увядших цветов и застойных прудах при ущербной луне.

6. Умберто Эко. «Имя розы»

... я узрел на боках портала, под глубокими аркадами, множество высеченных на контрфорсах в промежутках между хрупкими колоннами, поддерживающими и украшающими их, вьющихся посреди изворотов изобильной растительности, окутывающей оголовья этих колонн, и карабкающихся вверх к лесоподобным пролетам бессчетно повторяющихся арок – других видений ужасающего, жуткого вида, чье явление в этом священном приюте могло быть связано только с их параболическим и аллегорическим содержанием и с неким моральным уроком, который ими

задавался; там видел я жену похабную, оголенную, со спущенной кожей, угрызаемую нечистыми лягвами, уязвляемую аспидами и уестествляемую толстобрюхим сатиром с крупом грифа, с ногами, утыканными жестким пером, и с бесстыжею глоткою, выкликающею ему же самому вечное посрамление; видел я и скупца, коченеющего смертным хо- лодом на своем ложе под колоннами и навесами беззащитною жертвою злой бесовской когорты, на него бросающейся, рвущей с последними хрипами из греховной глотки душу в образе младенчика (но не для вечной жизни, о горе! нарождающегося); видел и горделивца, которому лютый бес плотно сел на плечи, ткнувши когти тому в очи, в то время как двое чревоугодников рвали один из другого ключья мерзостного мяса, и видел других существ, с козлиными рожами, львиными шкурами, пантерьими зубьями, плененных в огненном лесу, горячее их дыхание чуял на щеках. Их окружали, с ними смешивались, на них громоздились и пластались под ними странные лики и члены тела: муж с женою, вцепившись друг другу в волосы; два аспида, высасывая очи у грешника; борец, который, скалясь, разрывал скрюченными руками пасть гидры; и все твари бестиария Сатаны, сошедшиеся собором, дабы хранить и венчать престол тот и поражением своим его восславить, – сатиры, андрогини, шестипалые уроды, сирены, гиппокентавры, горгоны, гарпии, инкубы, змеехвосты, минотавры, рыси, барсы, химеры, мышевидки с сучьими мордами, из ноздрей пускавшие пламя, зубатки, сколопендры, волосатые гады, саламандры, змеирогатки, водяные змеи, ехидны, двуглавцы с зазубренными хребтами, гиены, выдры, сороки, крокодилы, гидрофоры с рогами как пилы, жабы, грифоны, обезьяны, псиглавцы, круготенетники, мантихоры, стервятники, лоси, ласки, драконы, удода, совы, василиски, чрепокожие, гадюки, бородавконогие, скорпионы, ящеры, киты, змеи-посохи, амфисбены, летучие удавы, дипсады, мухоловки, хищные полипы, мурены и черепахи. Все исчадия ада будто сошлись тут в преддверии, в сумрачном лесу, в степи печальной и дикой, к явлению Сидящего на фронте, к лику

его многообещающему и грозному. Те, кто сражен на Армагеддоне, стали пред тем, кто пришел окончательно разделить живых и мертвых.

7. Н. В. Гоголь. «Мертвые души»

Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: все равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, — любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд. Всякое строение, все, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, — все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный дом, известной архитектуры с половиною фальшивых окон, один-одинешенек торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских обывательских домиков, круглый ли правильный купол, весь обитый листовым белым железом, вознесенный над выбеленною, как снег, новою церковью, рынок ли, фронт ли уездный, попавшийся среди города, — ничто не ускользало от свежего тонкого вниманья, и, высунувши нос из походной телеги своей, я глядел и на невиданный дотоле покров какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики с гвоздями, с серой, желтевшей вдали, с изюмом и мылом, мелькавшие из дверей овощной лавки вместе с банками высохших московских конфет, глядел и на шедшего в стороне пехотного офицера, занесенного бог знает из какой губернии на уездную скуку, и на купца, мелькнувшего в сибирке на беговых дрожках, и уносился мысленно за ними в бедную жизнь их. Уездный чиновник пройди мимо — я уже и задумывался: куда он идет, на вечер ли к какому-нибудь своему брату, или прямо к себе домой, чтобы, посидевши с полчаса на крыльце, пока не совсем еще сгустились сумерки, сесть за ранний ужин с матушкой, с женой, с сестрой жены и всей семьей, и о чем будет веден разговор у них в то время, когда дворовая девка в монистах или мальчик в толстой куртке принесет уже после супа сальную свечу в долговечном домашнем подсвечнике. Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую узкую

деревянную колокольню или широкую темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мне издали сквозь древесную зелень красная крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступавшие его сады и он покажется весь с своею, тогда, увы! вовсе не пошлою, наружностью; и по нем старался я угадать, кто таков сам помещик, толст ли он, и сыновья ли у него, или целых шестеро дочерей с звонким девическим смехом, играми и вечною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли они, и весельчак ли он сам, или хмурен, как сентябрь в последних числах, глядит в календарь да говорит про скучную для юности рожь и пшеницу...

8. Н. В. Гоголь. «Мертвые души»

Герой, однако же, совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей, которые уже случалось ему произносить в подобных случаях в разных местах: именно в Симбирской губернии у Софрона Ивановича Беспечного, где были тогда дочь его Аделаида Софроновна с тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Федора Федоровича Перекроева в Рязанской губернии; у Фрола Васильевича Победоносного в Пензенской губернии и у брата его Петра Васильевича, где были свояченица его Катерина Михайловна и внучатные сестры ее Роза Федоровна и Эмилия Федоровна; в Вятской губернии у Петра Варсонофьевича, где была сестра невестки его Пелагея Егоровна с племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами - Софией Александровной и Маклатурой Александровной.

9. Л. Н. Толстой. «Два гусара»

В 1800-х годах, в те времена, когда не было еще ни железных, ни шоссейных дорог, ни газового, ни стеаринового света, ни пружинных низких диванов, ни мебели без лаку, ни разочарованных юношей со стеклышками, ни либеральных философов-женщин, ни милых дам-камелий, которых так много развелось в наше время, - в те наивные времена, когда из Москвы, выезжая в

Петербург в повозке или карете, брали с собой целую кухню домашнего приготовления, ехали восемь суток по мягкой, пыльной или грязной дороге и верили в пожарские котлеты, в валдайские колокольчики и бублики, - когда в длинные осенние вечера нагорали сальные свечи, освещая семейные кружки из двадцати и тридцати человек, на балах в канделябры вставлялись восковые и спермацетовые свечи, когда мебель ставили симметрично, когда наши отцы были еще молоды не одним отсутствием морщин и седых волос, а стрелялись за женщин и из другого угла комнаты бросались поднимать нечаянно и не нечаянно уроненные платочки, наши матери носили коротенькие талии и огромные рукава и решали семейные дела выниманием билетиков, когда прелестные дамы-камелии прятались от дневного света, - в наивные времена масонских лож, мартинистов, тугендбунда, во времена Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных, - в губернском городе К. был съезд помещиков, и кончались дворянские выборы.

10. М. А. Булгаков. «Театральный роман»

Да, передо мною был величайший сердцеведец. Он знал людей до самой их сокровенной глубины. Он угадывал их тайные желания, ему были открыты их страсти, пороки, всё знал, что было скрыто в них, но также и доброе. А главное, он знал их права. Он знал, кто и когда должен прийти в Театр, кто имел право сидеть в четвёртом ряду, а кто должен был томиться в ярусе, присаживаясь на приступочке в бредовой надежде, что как-нибудь вдруг освободится для него волшебным образом местечко. Я понял, что школа Филиппа Филипповича была школой величайшей. Да и как же ему было не узнать людей, когда перед ним за пятнадцать лет его службы прошли десятки тысяч людей. Среди них были инженеры, хирурги, актеры, женорганизаторы, растратчики, домашние хозяйки, машинисты, учителя, меццо-сопрано, застройщики, гитаристы, карманные воры, дантисты, пожарные, девицы без определённых занятий, фотографы, плановики, лётчики, пушкинисты, председатели колхозов, тайные кокотки, беговые наездники, монтеры,

продавщицы универсальных магазинов, студенты, парикмахеры, конструкторы, лирики, уголовные преступники, профессора, бывшие домовладельцы, пенсионерки, сельские учителя, виноделы, виолончелисты, фокусники, разведённые жены, заведующие кафе, игроки в покер, гомеопаты, аккомпаниаторы, графоманы, билетерши консерватории, химики, дирижеры, легкоатлеты, шахматисты, лаборанты, проходимцы, бухгалтеры, шизофреники, дегустаторы, маникюрши, счетоводы, бывшие священнослужители, спекулянтки, фототехники. Зачем же надобны были бумажки Филиппу Филипповичу?

11. Жан Ануй. «Антигона»

О господи! Попытайся и ты тоже хоть на минутку понять меня! Я же старался изо всех сил понять тебя. Ведь нужно, чтобы кто-то ответил "да". Ведь нужно, чтобы кто-то стоял у кормила! Судно дало течь по всем швам. Оно до отказа нагружено преступлениями, глупостью, нуждой... Корабль потерял управление. Команда не желает ничего больше делать и думает лишь о том, как бы разграбить трюмы, а офицеры уже строят для одних себя небольшой удобный плот, они погрузили на него все запасы пресной воды, чтобы унести ноги подобру-поздорову. Мачта трещит, ветер завывает, паруса разодраны в клочья, и эти скоты так и подохнут все вместе, потому что каждый думает только о собственной шкуре, о своей драгоценной шкуре, и о своих делишках. Скажи на милость, где уж тут помнить о всяких тонкостях, где уж тут обдумывать, сказать "да" или "нет", размышлять, не придется ли потом расплачиваться слишком дорогой ценой и сможешь ли ты после этого остаться человеком? Куда там! Хватаешь любую доску, чтобы поскорее заделать пробоину, в которую так и хлещет вода, выкрикиваешь приказание и стреляешь прямо в толпу, в первого, кто сунется вперед. В толпу! У нее нет имени. Она, как волна, которая обрушивается на палубу перед самым твоим носом, как ветер, который хлещет тебя по лицу, и тот, кто падает в толпе, сраженный твоим выстрелом, не имеет имени. Может быть, это тот, кто

улыбнулся тебе накануне и дал прикурить. У него больше нет имени. Нет больше имени и у тебя, судорожно вцепившегося в руль. Не осталось больше ничего, кроме корабля, у которого есть имя, и бури. Понимаешь ли ты это?

12. У. Шекспир. «Виндзорские насмешницы»

Постойте, мистер Брук, я расскажу все по порядку, и вы поймете, сколько страданий я перенес с одной только целью - заставить эту женщину согрешить ради вашего блага. После того как меня втиснули в корзину, миссис Форд приказала двум своим мошенникам слугам отнести грязное белье - то есть меня - на берег Темзы. Они взвалили белье - то есть меня - к себе на плечи, но в дверях нам встретился этот ревнивец и полюбопытствовал, что находится в корзине. Я так и замер от страха, как бы этот болван не запустил свою пятерню в корзину. Однако сама судьба, видимо, бесповоротно решив сделать его рогоносцем, удержала его руку. Он отправился искать меня по всему дому, а я двинулся на плечах моих носильщиков по направлению к Темзе под видом грязного белья. Вы подумайте только, мистер Брук: за один день я почти испытал три вида смерти. Во-первых, я чуть не умер от страха, когда думал, что меня найдет этот гнусный ревнивец, этот рогатый баран с колокольчиком. Во-вторых, я чуть не сломался пополам, когда меня согнули в кольцо, как сгибают лезвие испанской шпаги, - рукоятью к острию, головой к пяткам... И наконец, я едва не задохнулся от испарений грязного белья, которое прело от пота и сала. Просто удивительно, что человек моей комплекции не умер от удушья и не растаял от жары, как масло. И вот в ту минуту, когда я парился в собственном соку, будто голландская говядина, меня бросили в реку и остудили сразу, со свистом, как раскаленную подкову. Вы только представьте себе все это, мистер Брук!..

13. У. Шекспир. «Виндзорские насмешницы»

Говоря ни коротко, ни длинно, вы совсем вскружили ей голову. И как вам это удалось? Просто удивительно! Самому блестящему из придворных - ведь вы знаете, к нам в Виндзор частенько наезжает двор, - так вот, самому блестящему придворному кавалеру не удавалось до такой степени вскружить ей голову. А ведь тут были и рыцари, и лорды, и другие знатные джентльмены – и все в каретах. Клянусь вам, карета за каретой, письмо за письмом, подарок за подарком. И все это пахнет духами - сплошной мускус! - все так и шелестит шелками и парчой. А какие любовные записки, вежливые, а_л_и_г_а_н_т_н_ы_е! Я уж не говорю о вине и сладях - все было самое дорогое, самое сладкое. Кажется, ни одна женщина в мире не устояла бы, а она не мигнула им даже глазом. Мне и самой нынче утром предлагали двадцать золотых ангелов, но на кой черт мне эти ангелы, - я беру их только за честные дела. А уж ее, клянусь вам, не могли уговорить пригубить бокал вина даже самые важные люди, а ведь это были графы, да что там графы! Вся королевская стража в полной форме! Но я уверяю вас, что ей все это нипочем.

14. У. Шекспир. «Много шума из ничего»

Беатриче сама обошлась со мной так, что бревно не выдержало бы! Дуб, будь на нем хоть один зеленый листочек, и тот не смолчал бы: сама моя маска начала, кажется, оживать и браниться с ней. Не догадавшись, что это я сам с ней, она заявила мне, что я "принцев шут", что я несноснее осенней распутицы, и пошло, и пошло: насмешка за насмешкой сыпались с такой невероятной быстротой, что я себя чувствовал мишенью в которую стреляет целая армия. Ее слова - кинжалы; каждое из них наносит рану. Будь ее дыхание так же ядовито, как ее речи, около нее не осталось бы ничего живого: она бы отравила все и всех, вплоть до Полярной звезды. Я бы не женился на ней, даже если бы в приданое за ней дали все, чем владел Адам до грехопадения. Она бы самого Геркулеса засадила за вертел, а палицу

заставила бы его расщепить на растопку. Бросим о ней говорить. Вы должны будете согласиться, что это сама адская богиня Ата в модном наряде. Молю бога, чтобы какой-нибудь чародей заговорил нас от нее. Поистине, пока она на земле, в аду живет спокойно, как в святом убежище, и люди нарочно грешат, чтобы попасть туда. Где она, там смуты, ссоры и беспокойство.

15. У. Шекспир. «Много шума из ничего»

Удивляюсь я: как это человек, видя, какими глупцами становятся другие от любви, издевается над этим пустым безумием - и вдруг сам становится предметом насмешек, влюбившись. Таков Клавдио. Помню я время, когда он не признавал другой музыки, кроме труб и барабанов, - а теперь он охотнее слушает тамбурин и флейту. Помню, как он готов, бывало, десять миль пешком отмахать, чтобы взглянуть на хорошие доспехи, - а сейчас может не спать десять ночей подряд, обдумывая фасон нового колета. Говорил он, бывало, просто и дельно, как честный человек и солдат; а теперь превратился в какого-то краснобая: его речи - это фантастическая трапеза с самыми невиданными блюдами. Неужели и я могу так измениться, пока еще смотрят на мир мои глаза? Не знаю. Не думаю. Клятвы не дам, что любовь не превратит меня в устрицу. Но в одном клянусь смело: пока я еще не стал устрицей, подобным глупцом любовь меня не сделает. Одна женщина прекрасна, - но я уцелел. Другая умна, - но я уцелел. Третья добродетельна, - но я уцелел. Пока я не встречу женщины, привлекательной во всех отношениях зараз, - ни одна не привлечет меня. Она должна быть богата - это обязательное условие; умна - или мне ее не надо; добродетельна - или я за нее не дам ни гроша; красива - иначе я и не взгляну на нее; кротка - иначе пусть и близко ко мне не подходит; знатна - иначе ни за какие деньги ее не возьму; она должна приятно разговаривать, быть хорошей музыкантшей, а волосы пусть будут такого цвета, как богу угодно. Вот и принц с мсье Купидоном! Спрячусь в беседке.

16. Б. Брехт. «Добрый человек из Сычуани»

Молчите! Мне все известно. Вы пожертвовали своим личным счастьем для спасения двух стариков, которые доверились вам. Нет, не напрасно этот квартал, эти недоверчивые, злобные люди называют вас «ангел предместий». Господин жених не смог подняться до вашей нравственной высоты, и вы расстались с ним. А теперь закрываете свою лавку, этот островок спасения для многих! Я не в силах это видеть. Со своего порога каждое утро я изо дня в день наблюдаю несчастных, толпящихся перед вашей лавкой, и вас, раздающую рис. Неужели это не повторится больше? Неужели доброе дело обречено на гибель? Ах, если бы вы позволили мне помочь вам в этой благородной миссии! Нет, не говорите ничего! Я не требую никаких заверений. Никаких обещаний, что вы соглашаетесь принять мою помощь! Но вот (достает чековую книжку и заполняет чек, который кладет на тележку) я выписал вам чек, где вы можете по своему усмотрению проставить любую сумму, а теперь я уйду тихо и скромно, ни на что не претендуя, на цыпочках, преисполненный уважения, самоотверженно!

17. О. Уайльд. «Саломея»

Саломея, ты знаешь моих белых павлинов, моих красивых белых павлинов, что гуляют в саду среди мирт и высоких кипарисов? У них клювы золотые, и зерна, которая они клюют, золотые, и их ноги пурпурно-красные. Когда они кричат, идет дождь, и когда они распускают свой хвост, на небе показывается луна. Они ходят парами между кипарисами и черными миртами, и у каждого раб, который ходит за ним. Иногда они летают между деревьями, иногда лежат на лужайках и вокруг пруда. Во всем свете нет таких чудесных птиц. Ни у одного царя на свете нет таких чудесных птиц. Я уверен, что у самого цезаря нет таких чудесных птиц. Так вот, я дам тебе пятьдесят таких павлинов. Они будут всюду следовать за тобой, и ты среди них будешь, как луна в большом белом облаке. Я отдам тебе всех, у меня их всего сто, и нет ни одного царя на свете, который обладает такими павлинами, но я отдам

тебе их всех. Только освободи меня от моего слова и не проси у меня того, что ты у меня просила.

18. А. К. Толстой. «Князь Серебряный».

В огромной двусветной палате, между узорчатыми расписными столбами, стояли длинные столы в три ряда. В каждом ряду было по десяти столов, на каждом столе по двадцати приборов. Для царя, царевича и ближайших любимцев стояли особые столы в конце палаты. Гостям были приготовлены длинные скамьи, покрытые парчой и бархатом; государю — высокие резные кресла, украшенные жемчужными и алмазными кистями. Два льва заменяли ножки кресел, а спинку образовал двуглавый орел с поднятыми крыльями, золоченый и раскрашенный. В середине палаты стоял огромный четверугольный стол с поставом из дубовых досок. Крепки были толстые доски, крепки точеные столбы, на коих покоился стол; им надлежало поддерживать целую гору серебряной и золотой посуды. Тут были и тазы литые, которые четыре человека с трудом подняли бы за узорчатые ручки, и тяжелые ковши, и кубки, усыпанные жемчугом, и блюда разных величин с чеканными узорами. Тут были и чары сердоликовые, и кружки из строфокамиловых яиц, и туры рога, оправленные в золото. А между блюдами и ковшами стояли золотые кубки странного вида, представлявшие медведей, львов, петухов, павлинов, журавлей, единорогов и строфокамилов. И все эти тяжелые блюда, суды, ковши, чары, черпала, звери и птицы громоздились кверху клинообразным зданием, которого конец упирался почти в самый потолок.

Чинно вошла в палату блестящая толпа царедворцев и разместилась по скамьям. На столах в это время, кроме солонok, перечниц и уксусниц, не было никакой посуды, а из яств стояли только блюда холодного мяса на постном масле, соленые огурцы, сливы и кислое молоко в деревянных чашах.

Опричники уселись, но не начинали обеда, ожидая государя. Вскоре стольники, попарно, вошли в палату и стали у царских кресел; за стольниками шествовали дворецкий и кравчий.

Наконец загремели трубы, зазвенели дворцовые колокола, и медленным шагом вошел сам царь Иван Васильевич.

Рекомендуемая литература:

В помощь преподавателям сценической речи : хрестоматия для театральных вузов / редакторы-составители: М. В. Смирнова, М. А. Шелевер ; Новосибирский государственный театральный институт. - Новосибирск : НГТИ, 2021. - 300 с.

Сценическая речь: Учебник / под ред. И. П. Козляниновой и И. Ю. Промптовой. – 3-е изд. – Москва : ГИТИС, 2002. – 511 с.